

Александр Ломтев

Встречи в пути

Из дневников провинциального журналиста

Грех с удовольствием?

Самолёт резко накренился и едва ли не спикировал на окружённый водой аэропорт. Пограничный таможенный досмотр, штамп в паспорт — и вот небольшая толпичка путешественников приволокла свои чемоданы к катеру, который, рассекая воды Венецианского залива, помчался к «плавающему» городу.

Запах тухлой воды, мусор на тротуарах и худые кошки быстро снизили градус романтических ожиданий... Нет, вид с моря — захватывающий (архитектуру я имею в виду), а уж островки, мимо которых пролетал катер, были просто восхитительны: коттеджик в апельсиновых деревьях и пальмах, собственный причал и обязательный катер или яхта — мне б так жить! Впрочем, времени на осмотр достопримечательностей и катание на гондолах практически не было. В порту Сан-Базиллио нас ждал теплоход «Atgean Odyssey» («Эгейский Одиссей»), на котором мы отправились в плаванье через семь морей.

После прошлогоднего неудачного полёта на дельталёте сломанная нога ещё не очень-то восстановилась, и я плёлся в самом хвосте. Рядом со мной плёлся ещё один не слишком молодой полноватый гражданин. Он сказал что-то ироничное по поводу наших физических возможностей, я поддакнул; пока доплелись до теплохода, разговаривались. Мусор на тротуарах и голодные кошки под ногами ему тоже не понравились. Только через день, уже во время плаванья, я узнал, что собеседник мой — епископ Женевский и Западно-европейский Михаил.

Идея этого морского похода была в следующем. Подходило девяностолетие со дня исхода русской эскадры из Севастополя. Гражданская война на белыми была окончательно проиграна. С этой эскадрой уходили в Бизерту люди разных сословий — от князей до казаков. И Фонд Андрея Первозванного решил провести символическое «возвращение» эмигрантов первой волны, организовав морской поход в обратном направлении — из Бизерты в Севастополь...

И вот — лазурная Адриатика, лёгкий ветерок, чайки, завтрак на открытой палубе; за моим столом князь Шаховской и Трубецкой, граф,

фамилию которого я ещё не знаю. За соседними столами — прямые потомки русских эмигрантов первой волны: Чавчавадзе, Нарышкины, Головины, российские общественные и государственные деятели, деятели искусства — известные писатели, художники и журналисты.

Мне, недавнему советскому человеку, и странно, и смешно.

— Князь, будьте добры, передайте солонку. Граф, вам красного или белого?

Матросы драят и без того чистую палубу. Команда филиппинская, все одинаковые, смешливые и доброжелательные. «Вайн ред, сэр?» Нет, мне чаю, ти, ти... «Ти, тишай, са-мо-уар»...

Я всё как-то не решался подойти к моему давешнему «попутчику», возле него всё время крутились «начальники» и московские журналисты, но он сам, заметив меня, подошёл поздороваться, и тут я, естественно, напросился на беседу.

Разговор получился долгим и обстоятельным, да и позже удавалось несколько раз поговорить. Оказалось, что собеседник мой — из донских казаков, хоть и родился в Париже, но окружён был русской речью и русскими обычаями.

— У нас дома говорили только по-русски, а ещё родную речь помогала сохранить Церковь, я практически рос при храме с самого детства. Священники, кстати, не только учили нас молитвам, но и играли с нами в футбол.

Меня-то, конечно, в первую очередь интересовало, кто же, на его взгляд, прав, кто виноват — белые ли красные.

— И те, и другие правы, и те, и другие виноваты. Как бы там ни было, у нас одно прошлое... Да, в СССР храмы превращали в гаражи, а в эмиграции гаражи превращали в храмы... История сложилась так, как она сложилась, но! Без нас Господь нас не спасает; доля ответственности самого человека очень велика... Самый страшный грех — отказ от любви... А тяжесть греха в том, что грех человек вершит с удовольствием...

И мне вдруг вспомнилась другая недавняя встреча, совсем в другом месте и с другим священником. Однажды журналистские извилистые дорожки занесли меня в мордовский лагерь для

иностранных зеков (кажется, в Потьме), где на территории тюрьмы открывали католическую церковь. Горели свечи, непонятно, но очень убедительно звучала молитва священника, прихожане и прихожанки — большей частью чернокожие — в серых арестантских бушлатах истово молились, некоторые плакали, видимо, сожалея о том, что некогда грешили с удовольствием...

После церемонии мы пили чай в красном уголке, и когда люди в погонах оставили нас наедине с католическим епископом Клеменсом Пиккелем, мы разговорились. Он очень интересно рассказывал о том, что сам пожелал поехать в Россию, что лично знаком с самим Папой. В завершение беседы я (намекая на возможность и самому ему когда-нибудь стать Папой) полушутя спросил:

— Отец Клеменс, а какие у вас дальнейшие планы?

Отец Клеменс задумался лишь на секунду:

— Если буду всё делать правильно, то при благоприятном стечении обстоятельств попаду в рай!

По дороге с войны

Ночь. «Баргузин» бодро бежит по дороге, удаляясь от Моздока. Мы только что отвезли в Чечню гуманитарный груз, а на обратном пути прихватили двух офицеров-попутчиков, возвращавшихся из полугодовой командировки в Гудермесе. Офицеры пили коньяк, а когда он закончился — водку, вспоминали недавнее...

Потом один из них, Феликс, перебрался на переднее сиденье и начал занимать меня, чтобы в сон не клонило, разговорами (я был за рулём). О многом мы в ту ночь переговорили. Одна вещь почему-то врезалась в память.

— Знаешь, каждый мужик должен побывать на войне! — очень убеждённо сказал он.

— Почему? — спросил я, ожидая, что он заведёт разговор о Родине, о патриотизме и так далее.

Но он сказал:

— Чтобы ценили своих жён. Я там спать ложусь и считаю: ещё на один день ближе к жене. Я её сейчас знаешь как люблю!.. Ну, пройдёт полгода, привыкну, как-то всё притрётся. Но всё равно... Кто под пулями вдали от семьи, от жены походил...

Фраза эта: «Я её сейчас знаешь как люблю!» — не раз вспоминалась мне позже, когда я сам провёл в Чечне не одну неделю...

Охота на Ельцина

Саров — федеральный ядерный центр, щит Родины, а, пожалуй, и меч. Горбачёв ушёл, пришёл Ельцин. В стране разруха, разброд и шатание. Привычные к сытой, вольготной жизни за тремя рядами колючей проволоки лучшие учёные и инженеры страны почувствовали, как почва уходит у них из-под ног. Зарплату не платят месяцами, продукты дорожают, в некогда тихой заводи растёт

преступность. Дело дошло до митингов. И вот в Саров прилетает сам Ельцин.

Аэродром, толпа чиновников у трапа, за спинами чиновников толпа журналистов — московских и местных. Я шепчу своему фотокору Андрею Синельщикову:

— Андрюша, помни: снимок на первую полосу! Крупно и качественно...

На ступеньки трапа ступает президент России, и журналисты напирают на ряд «официальных лиц», и если бы не крепкие вежливые ребята среди них, просто облепили бы трап. Щёлкают фотокамеры, суетятся телеоператоры, из-за шей чиновников тянутся диктофоны.

— Борис Николаевич, Борис Николаевич!

Настроение падает, сделать в такой толчее хороший кадр — это вряд ли. Ельцин ответил на два-три вопроса, и его повели к выходу с аэродрома, а журналистов, как стадо гусей, погнали в сторону. И тут я заметил, как Андрей, пользуясь суетой, проскользнул в густой кустарник, что рос как раз вдоль дорожки, по которой поведут к машине Ельцина.

Мне стало не по себе. Дело-то рискованное. Нас уже оттеснили к выходу, когда одна из саровских журналисток взяла ближайшего секьюрити за локоть и с обидой в голосе сказала:

— А чего это нам нельзя близко, а Синельщикову можно?

— Какому Синельщикову? — опешил охранник. — Где?!

— Да вон в кустах сидит!

Естественно, Андрюшу тут же извлекли из кустов и прогнали к остальным журналистам. Я услышал, как один из охранников тихонько сказал ему, показывая на крышу одного из аэродромных строений:

— Видишь, кто там сидит? Понимаешь, что он мог подумать, увидев в кустах блеск твоего объектива?

Так что хоть Андрей очень обижался на выдавшую его коллегу, я-то для себя решил, что ему, возможно, очень повезло.

Ельцин пробыл в Сарове целый день, побывал в ядерном центре, ходил по улицам и даже зашёл в продуктовый магазин, в который по этому случаю завезли всякой всячины и было не протолкнуться. На Ельцина тогда надеялись, ему ещё верили...

А снимок на первую полосу у Андрея получился замечательный.

Что такое звёзды?

Север Каракумов, с одной стороны — синяя линия чинков Устюрта, по другую — озеро-море Сарыкамыш, вокруг — пески. По заданию зоологов МГУмы проверяем вероятность существования азиатского гепарда, который то ли вымер в Средней Азии, то ли ещё нет. Лагерь-временка гидрогеологов на странном озере посреди Каракумов. День угас,

и бархатное небо пересёк широкий Млечный Путь. Первая ночная свежесть, крыша вагончика, нагретые за день матрасы, тьяканье шакалов где-то за барханом. Все гидрогеологи ушли в двухдневный маршрут по берегу Сарыкамьша, и нас приютил на ночь в лагере молодой туркмен Бахтияр. «Я тут сторожу потихоньку...»

Мы смотрим в небо, слушаем стрекот цикад, вдыхаем бездонный воздух пустыни. Наш неутомный и разговорчивый приятель Валера потихоньку болтает с гостеприимным сторожем о том о сём.

Бахтияр:

— Звёзды всё падают и падают, а меньше их на небе почему-то не становится...

Валера:

— Бахтияр, ты разве не знаешь, что это не звёзды, а метеориты?!

Бахтияр:

— Не-а. А что такое метеориты?

Валера:

— Ну, это осколки небесных тел, комет, например...

Бахтияр:

— А что такое кометы?

И Валера, вспоминая что можно из школьной астрономии, учительским тоном, гордясь своим кругозором, прочитал Бахтияру целую лекцию. Бахтияр только крякал и восклицал:

— Да ну? Не может быть! Ух ты!..

Утром вернулись гидрогеологи, угостили нас свежепойманной сомятиной, рассказали, как встретились с крупным вараном. Потом проводили к берегу Сарыкамьша, вдоль которого нам предстояло идти по горячим барханам десятки километров. Уже у озера мы спохватились:

— Чёрт! Со сторожем не попрощались!

— С каким сторожем?

— С Бахтияром.

— С Бахтияром Исламовичем? Это не сторож, это начальник нашей партии, доктор наук. Самый молодой в республике, между прочим...

Мы шли по барханам, и наши лица горели не хуже поднимающегося над пустыней солнца. Эх, гордыня человеческая...

Мандариновый рай

Ждать пришлось несколько дней. Сначала у него случился незапланированный перелёт в Москву, потом происшествие — в Гальском районе грузинские диверсанты убили трёх абхазских милиционеров, ещё потом — делегация из Сербии. Но встреча была мне твёрдо обещана, и я терпеливо ждал. И хотя терпения особого не требовалось, поскольку в Абхазии я был впервые, всё здесь интересовало и волновало меня, всё же прошла почти неделя, прежде чем зазвонил, наконец, телефон и я услышал в трубке:

— Сергей Васильевич ждёт вас завтра в восемь утра.

Сергей Васильевич — Багапш, президент Абхазии...

На абхазское название республики — Апсны — хочется ответить: будьте здоровы! Впрочем, перевод весьма романтичен — Страна души... Сухум вызывал противоречивые чувства. Красивые заиндевевшие (декабрь на дворе) горы, шикарные платаны и эвкалипты, озябшие пальмы и бескрайнее море... И — разбитое, обгорелое здание правительства, раненные пулями и осколками старинные дома с замысловатыми балкончиками (один дом зацепил особенно: уцелели стены, но нет крыши, и в окна видно, как внутри жилья буйно разрослась растительность — кусты, деревца, оплетённые лианами, а на уцелевшем трёхном стуле — кукла); лёгкая тревога словно разбавленная в йодистом прозрачном воздухе, и беззаботные старички, играющие в шахматы на Брехаловке.

И мандарины, мандарины, мандарины. Оранжевые развалы на всех рынках, на перекрёстках, на трассе в Сочи, в грузовиках, фурах, прицепах саровского автопрома ещё легковушек и в самих легковушках, на границе. Каждое утро я начинал с похода к ближайшему рынку. На третий день и потом до конца командировки абхазская тётушка на ближайшем рынке, едва я подходил, уже протягивала мне пакет с двумя килограммами мандаринов. И я ел их, наслаждаясь и вкусом, и ароматом, и самим процессом освобождения от мягкой терпкой кожуры; абхазские мандарины не сравнятся ни с какими марокканскими...

Беседа с президентом оставила в душе странный след. С такой горьковатой ноткой вины. За Россию. На мой вопрос, не считает ли он, что русские в 1992 году бросили абхазов в беде, Багапш ответил жёстко:

— Так по большому счёту и было. Мы не раз обращались и к вашему президенту, и к российскому парламенту с просьбой остановить агрессию. Владислав Ардзинба (первый президент Абхазии. — Авт.) неоднократно пытался выйти на Ельцина, но с ним лично «никак не могли» связаться: то он купается, то в море удит рыбу. А ведь ему достаточно было стукнуть кулаком по столу и сказать: «Стоп!» Знаете, очень больно, когда надеешься на страну, которую уважаешь, к которой стремишься, в которой хочешь быть, а тебя просто-напросто...

Президент вздохнул и замолчал. Ровно через два года я услышу такие же слова в Белграде от серба Николы Живковича, возвратившись из только что захваченного албанцами Косова...

Багапш мне понравился. Он не старался меня «агитировать», не приукрашивал и не жаловался на жизнь республики, был спокоен и уверен, по всему — не пылал идеей мщения грузинам, при нём в Абхазию вернулось более шести тысяч

грузинских беженцев, а ведь я знал, что он был ранен во время первых этнических стычек... Да и обиды на Россию по большому счёту не держал, трезво осознавая, что его маленькой стране не на кого больше опереться.

Интервью получилось большим и сочным, его в разных вариантах опубликовали потом и региональные, и федеральные СМИ. Но у меня так и остался этот горький привкус: могли помочь — но не помогли...

Я не уехал сразу после интервью, как планировал сначала. Побывал в гостях у российских миротворцев и взял интервью у командующего генерал-майора Чабана, побродил по Новому Афону, полюбовался Новоафонским водопадом, который быстрые на язык журналисты назвали Афонской Ниагарой. И не забывал про мандарины.

Потом мне долго снились эти мандариновые развалы и, что удивительно, снился даже аромат мандаринов, перемешанный с запахом моря...

Труженик

Каждые выходные мы с друзьями выезжали из города на парапланёрные полёты. Останавливались на какой-нибудь горе, разбрасывали по склону свои пёстрые крылья и, поймав в купол восходящий поток и оторвавшись от склона, парили разноцветными лепестками в синем небе. Рассказывать об ощущениях бесполезно — нужно пробовать. Однажды ранней зимой мы приехали на склон возле большого мордовского села Якстерь Тяште. Уже не припомню, как это переводится, что-то вроде «Светлый путь» или «Путь к коммунизму» — в этом роде. Была суббота, село занималось повседневной работой. Где-то резали поросёнка, кололи дрова, тархтел трактор. И тут из чиста поля, продвигаясь по пояс в снегу «противолодочным зигзагом», на склон вышел совершенно пьяный колхозник. Он долго смотрел на то, как наши пилоты взлетают, носятся вдоль склона, как ветер бросает их то вверх, то к склону.

— А сложится эта штука может? — спросил он наконец, слегка покачиваясь.

— Может.

— И упасть может?

— Вообще-то может.

Колхозник вдруг нахмурился и, укоризненно качая головой, сказал:

— Вы, городские, насмерть убиться готовы, только бы не работать!.. — и, качаясь на ветру, пошёл к деревне.

Человек-амфибия

в Мордовском заповеднике

Странные странности происходят порой в жизни. Почему-то именно на глухом кордоне в Мордовском заповеднике я познакомился с человеком, который вместе с легендарным Кусто бороздил

подводные миры, и с человеком, побившим рекорд продолжительности пребывания в космосе.

Соратник Кусто Даниель Мерсье приехал на какой-то международный симпозиум в Саранск, откуда его и привезли на денёк в заповедник, и я по чистой случайности оказался там как раз в эти дни.

На зелёной лужайке у большого дома, от которого пахло тёплым деревом, сушёными травами и мёдом, стоял самодельный стол, рядом отцветала сирень, на струганых скамьях лежали плетёные цветастые мордовские половички, на бревенчатой стене избы висела полосатая шкура барсука; где-то за сиренью несла свои воды речка Мокша.

Мы с аппетитом хлебали свежую, с дымком, уху и пили водку — за Россию, за гостеприимных мордовских хозяев, за чистую воду и, конечно, за дружбу...

Седой, обаятельный, с любознательными весёлыми глазами, полноватый француз, энергично гоня комаров, болтал без умолку, охотно отвечая на любые вопросы...

— Вы, русские, в отличие от других народов, умеете создавать атмосферу дружбы, приательства; мне нравится, что вы собираетесь вместе, пьёте водку, это всегда так весело.

— Даниель, говорят, Кусто был диктатором...

— Может быть. Но мне в этом смысле больше запомнилась его жена — Симона Кусто, замечательная женщина. Именно она смогла найти деньги на финансирование «Калипсо», именно она занималась организацией всех путешествий. Можно сказать, что она была очень хорошим экономистом. Однажды при мне Кусто спросили, кто является капитаном «Калипсо». Симона, решительно отодвинув Кусто в сторону, ответила: «Я — капитан!..» О, она была первой французской ныряльщицей, была женщиной с твёрдым характером и в то же время сохраняла сдержанность при всех обстоятельствах; до конца скрывала от всех свою неизлечимую болезнь.

О море мерсье Мерсье мог говорить без остановки.

— Море так же непредсказуемо, как женщина. Конечно, под водой случаются разные трудности, но если вы в хорошей физической форме, если вы дружите с головой, то можно всё преодолеть. Кроме того, я много занимался спортом в горах и даже одно время мечтал стать гидом. И я им фактически стал, но только в море. По своему опыту я знаю, что люди, которые гибнут либо в горах, либо в море, — это чаще молодые люди. А вот как только доживаешь до сорока лет, то достигаешь такой физической формы, кроме того, у тебя есть бесценный опыт... Здесь ещё подключается осознание того, что ты уже выжил, и от этого хочется ещё больше жить. Жить, встречать красивых женщин, любить... У вас очень много

богатых людей, но живут они недалеко от меня. Например, в квартале, где я живу, моим соседом является Абрамович. Признаться, меня всегда интересовало: где богатые русские берут деньги, чтобы жить в таком месте?

Да, это многим жителям России интересно...

Здесь же, на заповедной заимке, не за этим ли самым столом, наверное, годом позже привелось мне беседовать с человеком противоположного «вектора». Космонавт Валерий Поляков — рекордсмен по непрерывному пребыванию в космосе. Он во всём отличался от француза; был сдержан, разговаривал мало, хотя охотно отвечал на вопросы, не налегал на закуски, да и водочку пил в меру. Впрочем, общее у них, конечно же, было — страсть к своему делу. У одного — к глубинам океанов, у другого — к глубинам космоса.

Поразило меня тогда его признание:

— Без космоса человечеству невозможно, космос — это наше будущее. Я хотел бы полететь на Марс. Даже в один конец...

Двойные стандарты

Почему именно меня позвали на международный симпозиум в Республику Сербскую (Босния и Герцеговина), я не знаю. Возможно, кого-то из организаторов заинтересовали мои очерки из разных «горячих точек». Как бы там ни было, после долгих переездов и перелётов я обнаружил себя в Бане-Луке в пёстрой компании политиков и публицистов из разных стран: берлинский немец, похожий на постаревшего Алена Делона, девяностолетний еврей из Иерусалима, два американца, осетин, сербы из Гааги, — в общем, с бору по сосенке. Тема — двойные стандарты современной политики. Животрепещущая тема. Только вот беда — стандарты все понимали по-своему.

Удивительное это образование — Босния и Герцеговина: государство, в котором — сами по себе, обособленно, проживают хорваты-католики, мусульмане и православные сербы, а управляет этим образованием Высокий представитель мирового сообщества, действующий по мандату ООН (видел я этого Высокого представителя — невысокий полноватый мужичок). Впрочем, президент в Республике Сербской всё же имелся, и мне удалось к нему пробиться. Райко Кузьманович был очень доброжелателен, не раз подчеркнул, что русские и сербы — братья. Говорил, однако, крайне осторожно, видимо понимая, что старшие братья не очень-то склонны сейчас вступаться за младших. — Нам сейчас нужно учиться слушать и слышать друг друга, чтобы не привести мир к новой «холодной войне». Необходимо приходиться к пониманию равной ответственности сторон...

В общем, президент Республики Сербской напоминал мне кота Леопольда из мультфильма: «Ребята, давайте жить дружно». Я его, конечно,

понимал: давно ли США бомбили Белград, а Россия смолчала?..

Куда жёстче был премьер-министр Милорад Додик, с которым удалось поговорить через пару дней.

— Хорваты, мусульмане и сербы воевали, убивали друг друга, а теперь их заставили жить в одном государстве — абсурд ситуации настолько очевиден, что его не прикрыть никакой словесной эквилибристикой. Двойные стандарты? Да вот пример: бывшего президента Республики Сербской Биляну Плавшич в Гааге приговорили к одиннадцати годам тюрьмы за «командную ответственность», хотя она занималась чисто гуманитарными вопросами, а бывшего командующего армией боснийских мусульман, истребившего тысячи мирных сербов, — к трём годам, а позже вообще оправдали...

И всё же я печёночкой чувствовал, что все, с кем мне довелось встретиться и поговорить, — и владыка Баня-Лукский Ефрем, и настоятельница старинного монастыря Гомионица матушка Ефимия, и старый партизан Милдраг — все они жили надеждой, что времена справедливости вернуться, что вернётся в строй новая и сильная Россия, которая сломает, наконец, эти злосчастные двойные стандарты.

Русский

Восьмидесятые. Купе поезда Москва — Алма-Ата. В купе, кроме меня, старик-казах, русская древняя старуха и её сын. Старик говорит что-то в открытую дверь купе своему спутнику, стоящему в коридоре у раскрытого окна. Старуха изумлённо и жалостливо смотрит старику в рот. Потом поворачивается к сыну и громким шёпотом спрашивает: — Он что, больной?

— Почему? — удивляется сын.

— Ну что это он вместо разговора всё «берген» да «берген»?..

— Мама, да он по-казахски говорит, не русский он. Помнишь, я в институте учился, английский язык изучал? Ну вот и тут так же...

— Что ж он — иностранец, что ли, англичан? — не понимает старуха.

Вскоре выяснилось, что старик едет под Курск, проведать могилу друга, с которым участвовал там в танковом сражении.

— Ну вот! — укоризненно говорит старуха сыну. — А ты говоришь — не русский. Раз воевал — стало быть, русский...

Храбрый горец Тасик

Дорога всё круче забирала вверх, завинчиваясь по склонам предгорий Кавказа. Непроглядная южная ночь накрыла землю, и мы видели только чёрную ленту нового, недавно уложенного шоссе с белёсыми гравийными обочинами впереди да

мелькающие по бокам дорожные знаки. Ехать было ещё далеко, и скорость снижать не хотелось, но по бокам замелькала какая-то строительная техника, отчего-то стало подсасывать под лоджечкой, и я сбросил-таки скорость. И в этот момент дорога кончилась. Вот только что был асфальт — и вдруг пропал; мы почувствовали, что легковушка летит в темноту! В пропасть?! Сколько это длилось — секунду, две? Нам показалось — вечность. Машина плашмя ударилась оземь, и мы застыли не столько от удара, сколько в ожидании — не покатится ли авто вниз. Нет, машина стояла недвижно, и мы, крихтя, выбрались из неё. Дорога действительно кончалась, словно обрубленная; в свете красных фонарей можно было увидеть её структуру в разрезе — песчаная насыпь, гравий, асфальт. До обрыва глубиной метров в триста было метров десять. Почему не был установлен предупреждающий знак, почему не было указателя на объезд — спросить было не у кого, вокруг ни души.

Так наша командировка в Южную Осетию могла завершиться досрочно, но нам повезло, машина не пострадала, люди, не считая пары синяков и шишки на голове, тоже...

...До Цхинвала мы добрались-таки. С окраины города видна едва ли не вся Южная Осетия. Мы бродим по остаткам двухэтажного здания — казармы российских миротворцев; под ногами хрустит битое стекло, ошметки штукатурки и кирпича, стреляные автоматные и пулемётные гильзы. Много гильз.

— Во-он оттуда они шли, — показывает рукой в проём окна Садык Наструдинов — оставшийся в живых миротворец, старший лейтенант. — Утром мы увидели первую колонну, насчитали девять танков, двенадцать БМП и человек пятьсот на грузовиках и пикапах. Потом узнали, что там не только грузины были — ещё украинцы, прибалты и даже негры. Я тогда понял, почему вдруг накануне вечером грузинский наблюдатель ушёл. Говорит, срочное дело, и ушёл. А с этими в колонне было полно журналистов — с камерами, с фотоаппаратами. Они вон на той горке расположились и ждали начала, как в театре...

Я бродил среди руин и вспоминал Цхинвал советских времён — чистый бело-зелёный город, скверики и сады, живописные курортные горы за окраинами... Теперь это город-призрак. В сквере наткнулся на памятник: осетинский мыслитель Абаев сидит нога на ногу на постаменте, но мыслить ему нечем — грузинские солдаты его расстреляли, а потом отбили голову. Рядом в руинах играет обломками кирпичей, словно кубиками, мальчишка лет пяти. Незнакомые люди с фотоаппаратами и видеокамерами его напугали, но он не заплакал. Храбрый маленький горец. Подождав, когда коллеги разойдутся, подсел к нему. От смущения он уткнулся взглядом в грязные ладошки,

но детское любопытство победило, и спелые смородины из-под пушистых ресниц заблестели на моё: «Привет, я дядя Саша».

— Было страшно, — почти шепчет Тасик. — Мы с папой и мамой и тётёй Мадиной прятались вон в том подвале, а там вон стреляли.

— И долго прятались?

Тасик делает серьёзное лицо и разводит руки. Насколько может.

— Во-от сколько!

И всё же Цхинвал оживал, люди восстанавливали жильё, налаживали быт, с благодарностью принимая помощь России; на расстрелянной стене — афиша концерта маэстро Гергиева, рядом другая — спектакля волгоградского театра «Любовь до гроба». Через улицу колышется на ветру растяжка «Дни дружбы Южной Осетии и Приднестровья», то и дело видишь плакаты, на которых приднестровский и осетинский президенты стоят рядом. Плечом к плечу.

Вопросы для президента Южной Осетии Эдуарда Кокойты я заготовил заранее и до последнего надеялся на обещанную встречу. Но — не случилось.

Ночь здесь начинается неожиданно и быстро. Падают, словно пальто с вешалки, укрывая и город, и горы, и асфальтовый серпантин. Только крупные звёзды бриллиантовой россыпью над головой да дорожная разметка прихотливыми изгибами в свете фар. Дорога домой...

А интервью всё же состоялось. В заочном формате: свои вопросы я оставил министру печати республики Ирине Гаглоевой, которая передала их «шефу», и, уже вернувшись домой, я получил обстоятельные и подробные ответы на каждый из них.

Философия

О, эта загадочная русская душа! Общий вагон, второй час ночи, с одной стороны — богатырский храп разметавшегося во сне дембеля, с другой — тоненький плач цыганского ребёнка. За окном то летящий снег в непроглядной темени, то жёлтые огни на полустанках. Двое не спали и вели негромкую, но жаркую полемику. Один — в ватной фуфайке, в ватных же штанах, из-под ворота — тельняшка. То ли питерский «митёк», пустившийся по России в поисках новых впечатлений, то ли сезонный работник. Другой — не тутошний: добротное пальто, дорогие очки и немятые брюки, — непонятно, в общем, почему в общем вагоне. Наверное, с билетами не повезло. Они пили водку, закусывали огурцами и спорили на дикую по месту и времени тему.

— Фашизм хуже коммунизма, — утверждал «митёк».

— Это практически одно и то же, — не соглашался интеллигентный.

— Нет, фашизм принципиально хуже!

— Почему?

— Вот смотри. Первое. Коммунисты делают людей на своих и чужих по идеологическому принципу. И у противника коммунизма, в принципе, есть возможность выжить, формально подстроившись под коммунистическую идеологию (даже внутренне не принимая её). Коммунисты не делают людей по расовой или национальной принадлежности. Они формально интернационалисты. Фашисты же делают людей по физиологическим признакам, по признакам расы и национальности. Физиологию не изменишь, цвет кожи не поменяешь, национальность скрыть не всегда можно. То есть если от коммунистического террора хоть как-то можно спастись, то от фашистского — почти невозможно. Второе. Коммунисты хотят равенства и счастья для всех. Возьми израильские кибуцы. Те же коммуны. Слова «коммунист» нет, а идеология при этом коммунистическая. Тяга людей к равенству и братству была, есть и будет всегда. Это естественное стремление. Понимаешь, коммунизм, как христианская идеология, естественен. Фашисты желают счастья лишь для избранных. Для избранной нации. Это неестественно...

Интеллигентный раздумчиво пожал плечами, а «митёк» опрокинул очередные «пятьдесят» и смачно захрустел огурцом...

Михаил Сергеевич и Гераклит

Нет, он уже не был президентом СССР, поскольку не было уже и самого СССР. И всё же я шёл на встречу с первым президентом СССР, пусть даже и с приставкой «экс»...

Мы беседовали часа полтора. Странные ощущения оставила в памяти та беседа. Он задумал организовать новую социал-демократическую партию, партию социализма с человеческим лицом. Зачем? Объяснял Михаил Сергеевич по обыкновению длинно и витиевато. И всё время сбивался на своё противостояние с Ельциным. Словно бы оправдывался. Мол, всё задумывалось вовсе не так, как в итоге получилось. Его не поняли, его не поддержали, а в конечном итоге — предали. Я спрашивал, он отвечал. Но отвечал не столько на мои вопросы, сколько на свои, которые, видимо, не переставали мучить его. Смесь обиды и сожаления слышал я в интонациях его голоса. И желание всё исправить.

Самое забавное, что он говорил всё очень правильно. И задумка сама по себе была верной. Народ уже подустал от Ельцина и от того бедлама, что тот организовал в стране. Но при этом было совершенно ясно, что всё это — пустое. Именно оттого, что исходило от Горбачёва. Всё же прав был мудрый грек Гераклит Эфесский. Утекла та вода, которая вынесла на крутой берег истории ставропольского комбайнёра; и когда выбросило её

бешеное течение на отмель, то все попытки вновь нырнуть в бурные волны большой политики оказались напрасными. Мало кому это удалось... Ни у шустрого Немцова не получилось, ни у упрямого Явлинского, ни даже у такой глыбы, как де Голль... Из больших политиков непотопляемым оказался, пожалуй, лишь Уинстон Черчилль, которого не раз выбрасывало из стремнины, а он возвращался...

Я слушал бывшего президента, поглядывая на диктофон — хватит ли плёнки, записывал кое-что в блокнот, а сам всё думал: осознаёт ли этот человек, какой след оставил в истории огромного государства, понимает ли, где, когда и в чём ошибся? И вдруг понял: он ни разу не сказал об ошибках и, похоже, не считает, что ошибался в чём-то принципиальном. Не на тех людей положился — да, не тем политикам поверил — да, проявил мягкость — да. Но курс был верным! Просто поневоле вспоминался товарищ Дынин из очень советского фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён»: «Товарищи, я хотел как лучше! Чтобы дети поправлялись, чтобы дисциплина была... Как же, товарищи?» Верил ли я в добрые намерения Горбачёва? Утверждают, что французский монах Бернард Клервосский в 1150 году написал, что «ад полон благами желаниями и намерениями». Так он хотел подчеркнуть двуличность человека и его помыслов. Люди, которые напоказ стараются делать добро, на самом деле творят злодеяния.

Интервью с Горбачёвым я в итоге написал. Большое интервью получилось, подробное, честное. И главное, что из него следовало, что старался Горбачёв показать себя человеком будущего, но было абсолютно ясно, что он безнадежно человек прошлого. В общем, неприятный осадок остался у меня после той долгой, но, в общем-то, пустой беседы: всё поверхностно, всё в лишних словах и ненужных оправданиях. Он, как мне кажется, так и не осознал, отчего его «благие намерения» разрушили огромную державу...

Король испанский

Узнав о возможности побывать «в гостях» у испанского короля Филиппа VI, я, конечно, обрадовался. За годы в журналистике мне довелось встречаться (а то и брать интервью) с семью президентами, включая Бориса Ельцина, Михаила Горбачёва, Сергея Багапша или, скажем, президента Республики Сербской Райко Кузьмановича. А вот с монархами — как-то не довелось.

Дворец Сарсуэла расположен в северо-западном пригороде Мадрида, на горе Монте-эль-Пардо, и принадлежит не королевской семье, а Испании. Предместье дворца встретило нас... оленями. Группами и поодиночке они паслись вдоль дороги под сенью кудрявых южных сосен, каштанов и акаций, совершенно не обращая внимания на растянувшийся по узкой дороге сановный кортеж.

Временами перелески пропадали, и тогда взору открывался ну совершенно сервантесовский пейзаж, в который очень естественно вписались бы две-три ветряных мельницы и парочка наездников — один, как вы понимаете, на костлявой лошади, а другой — на пузатом ослике. Впрочем, почти у самого дворца я вдруг увидел стайку осин, совсем как где-нибудь у нас на Нижегородчине, трепещущих под едва ощутимым ветерком красножёлтой листвой.

Как написал один журналист, рассказывая о Сарсуэле, «*короля Испании... его предки Бурбоны засмеяли бы. Дело в том, что в качестве основной королевской резиденции он выбрал не роскошный дворец в центре Мадрида, а всего лишь „охотничий домик“ — скромный загородный дворец Сарсуэла. Его и дворцом-то назовёшь с натяжкой. Так, особнячок...*» В общем, недалеко от истины, если, конечно, не брать во внимание внутреннее убранство дворца. В зале, где проходила официальная видео-фотосессия встречи короля и главы российского мида, журналисты, ожидая министра и монарха, принялись делать селфи на фоне интерьера. А мне вдруг вспомнился любимый Гоголь — «Записки сумасшедшего»: «*Странные дела делаются в Испании. Я даже не мог хорошенько разобрать их. Пишут, что престол упразднён и что чины находятся в затруднительном положении о избрании наследника и оттого происходят возмущения. Мне кажется это чрезвычайно странным. Как же может быть престол упразднён? Говорят, какая-то донна должна взойти на престол. Не может взойти донна на престол. Никак не может. На престоле должен быть король. Да, говорят, нет короля, — не может стать, чтобы не было короля*». Был король, был, и мы ждали его с минуты на минуту.

Конечно, никто не ожидал, что король выйдет в мантии и со скипетром в державной руке, но всё же хотелось какой-то особой торжественности. Но нет. В одну дверь в зал вошёл Сергей Лавров, в другую — король, высокий, стройный мужчина в официальном костюме (между прочим, самый молодой монарх в Европе); они с улыбкой пожали друг другу руки и повернулись к нам. Зажужжали телекамеры, защёлкали фотоаппараты, забликовали фотовспышки, и... всё. Ни вопросов — ни ответов. Король пригласил российского министра в свои покои, и они удалились на переговоры с глазу на глаз.

Да, подумалось мне, времени на аудиенцию было отведено чуть больше, чем понадобилось бы, чтобы произнести полное имя короля: Фелипе Хуан Пабло Альфонсо де Тодос лос Сантос де Бурбон и Гресья...

Слегка разочарованный, я смотрел в окно автобуса на красивые предместья Мадрида, на стандартный пригород, на почти советские спальные

районы, и вдруг — невероятная вывеска на обочине: «*Magadan*». Магадан в Мадриде?! «Странные дела делаются в Испании. Я даже не мог хорошенько разобрать их...»

Однажды ночью

...Сквозь редкие ветви прямо в лицо сияли неправдоподобные звёзды. Только в пустыне можно увидеть такие. От арыка приятно тянуло сыростью, кто-то попискивал в кустах, пахло чем-то пряным и сладким. На станции Оазис тоскливо вскрикивал маневровый паровозик.

— Пойдём утрей ловить.

Я обернулся. В отблесках вокзального света он выглядел странно. Рваная тельняшка, безразмерные брюки, подтянутые потрескавшимся лакированным ремнём. Коротко стриженные волосы — торчком.

— Пойдём, поезд только под утро. И наловить успеем, и пожарить.

В руках палка с примотанной на конец вилкой и матерчатая сумка, подозрительно оттопырившая бок и подрагивавшая. Бич. Бывший интеллигентный человек. Он всё время живёт так, как я могу позволить себе жить только во время отпуска. Сколько ему лет? Время оставило на нём массу отметин: морщины, шрамы, синие письма табуировок... У таких людей физический возраст никогда не совпадает с истинным, с тем, который несмываемым отпечатком ложится на душу...

Он вдруг повернулся, замер и резко наклонился над арыком. Мелькнул блик по чёрной воде, плеснуло, завозилось и что-то мокрое и длинное шмякнулось с конца палки в сумку... Он улынулся, и я разглядел корявые останки зубов...

Я не пошёл за ним вдоль арыка, только проводил взглядом его полосатую спину. И потом долго об этом жалел. Мы хотим приключений, тянемся к необычному, но когда оно приходит, пасуем...

«Зо айне шёнхайт!»

Какое яркое солнце будило нас по утрам, какой вольный ветер оведал чело, какая нестерпимо сверкающая, ослепительная дорожка тянулась по пёстрым волнам! Рыбачья лодка, попадая в неё, на секунду совсем растворялась, исчезала из поля зрения.

«Василий Поярков» бодро бежал по широкому Амуру от излучины к излучине, лихо разворачиваясь мимо бакенов, подгоняемый быстрым течением. А за широкой полосой воды высились заросшие зелёной шкурой тайги сопки Сихотэ-Алиня.

Ближние горы — тёмно-зелёные, подальше — салатные, ещё дальше — голубые, а на самом горизонте — едва видимый серый хребтик. Одним словом — Рерих.

— Надеюсь, вы националист?! — строго спросил меня в первый же вечер за ужином в корабельном

ресторане большой толстый турист, которого я принял было за немца, но ошибся.— По лицу вижу, что вы порядочный человек.

Я как-то занялся, но ответа и не потребовалось, поскольку «националист» тут же выложил боль души по поводу вымирания русского населения в Приморье и злостной китайско-корейской экспансии.

— Я сперва узнал, нет ли на «Поляркове» китайцев или корейцев, но когда узнал, что только русские и немцы, — купил путёвки. . .

Его жена энергично кивала головой и поддакивала: «Вот-вот, именно, да!»

На теплоходе это была самая колоритная пара. Оба крупные, неторопливые, всячески старающиеся казаться интеллигентными, солидными людьми. Что не всегда получалось. На их толстых пальцах сияли такие золотые «шайбы», что во время вечернего заката слепили немцам глаза.

Кстати, среди немцев в компании были и очень старые (может быть, и из бывших нацистов). Такие вот загогулины истории. . .

Узнав, что я приехал аж из-под Нижнего, «националист» почему-то сказал:

— Я вот тоже ненормальный. Недавно поехал на экскурсию во Владик (Владивосток), так нам там показали мощи. . . этой. . . как её. . . какой-то уничиженной коровы морской. . .

— Наверное, скелет стеллеровой коровы?

— Ну да, а она у нас в Хабаровске, оказывается, в музее есть! Блин!

...Очередная остановка— в селе Богородском. Экскурсия в храм. Церковь новая, некрасивая. Старую, конечно, большевики в тридцатых отдали под клуб; клуб, естественно, сторел. Новую церковь построили на новом месте. При этом памятник Ленину в горячечные перестроечные годы в селе не снесли, о чём говорят с лёгким оттенком гордости. Да и большевики село с таким «поповским» названием в какой-нибудь Кржижанович не переименовали. Так что квиты. . .

Уцеркви священник сделал обязательное замечание немке, присевшей на скамеечку:

— Нехорошо— женщина, а курите! Да ещё около храма. . .

Немка сделала вид, что не поняла, и сигаретку досмолила до фильтра.

Работавший при храме художник разговорился с несколько даже карикатурным немцем. Тыча себя в полосатую митьковскую тельняшку, он с нескрываемой гордостью за профессию сообщил: — Я—реставратор!

— О, я, я,— неуверенно кивал немец,— рес-тора-тор!

(На лице его явно читалось изумление: в церкви—ресторан?! О, эти русские!..)

— Да не ресторатор, а реставратор,— толковывал художник.— Вот немец нерусский, бестолочь!

— Он не бестолочь,— вмешалась курившая немка,— он русского языка не знает,— и объяснила соотечественнику, отчего так горячится этот полозатый бородастый русский. . .

И вновь воды Амура несут нас среди зелёных сопок.

Пожилая немка, явно лет шестидесяти пяти, а на вид не больше сорока пяти (когда баба ягодка опять), облокотилась на полированные перила верхней палубы и, обозревая через зеркальные очки приамурские просторы, от избытка чувств, как мне показалось, искренне воскликнула:

— О, майн готт, зо айне шёнхайт!

— Я, я!— невольно согласился я с ней.

Да ведь и действительно— красота! Синейшее небо, широченная (до шести километров от берега до берега) река, весёлые деревеньки с рассыпанными по берегу лодками, глухие распадки, скалы, выступающие голубыми и красными боками на поворотах, стремительные чайки, журавли, неторопливо пересекающие путь теплохода, терпкий сосновый запах: дыши— не надышишься, гляди— не наглядись. . .

Может быть, именно где-то здесь сто лет назад брели выючные лошади экспедиции Арсеньева, вяло перегоривались утомившиеся за день казаки, бодро бежал на кривоватых ногах мудрый гольд Дерсу Узала. Ну надо же— сбывалась несбыточная детская мечта, навеянная потрёпанной книжкой «про путешествия», и вот он— дикий Уссурийский край! Ну, может быть, не такой уж теперь и дикий. . . А вернее сказать, совсем не дикий, но всё же— Уссурийский. Может быть, даже и амба— полосатый тигр— бродит где-то неподалёку. . .

Хотя вряд ли где-то у реки бродит сейчас много зверья— уж слишком людно, уж слишком много моторок трещит по реке, местные говорят: «Кета пошла».

...Земля круглая. Но мы всё равно говорим: «на край земли». И вот я стою на краю земли. Вольно и широко раскинулся на самом горизонте Тихий океан, синей полоской протянулся Татарский пролив, и совсем далеко, в голубой дымке, хребтом привсплывшего ихтиозавра виднеются сопки острова Сахалин. И не верится, что там, за этим голубовато-серым хребетиком, может быть что-то ещё, и как-то даже прозрачно существование моего Сарова, Москвы, а уж тем паче какого-то там Мюнхена. Впрочем, у деловитых немцев это место никаких особых философских настроений не вызвало. На краешек обрыва, с которого особенно хорошо был виден остров, выстроилась очередь. Немцы вставали в позу бывалого путешественника, изображали задумчиво-романтичный взгляд «вдаль», щёлкала вспышка, и Сахалин за плечами фотографирующегося, превращённый в «цифру», сохранялся в шкатулке-фотоаппарате,

чтобы потом занять своё место в пыльном семейном альбоме или архиве домашнего компьютера... — А во-он там, — матрос Василий широко повёл рукой в сторону Амурского залива, — высятся потухший вулкан Огоби.

— И когда же он потух? — спросила обстоятельная немка.

— Когда? — Василий завёл глаза, словно подсчитывая. — Да где-то полтора миллиона лет назад.

— А сколько километров отсюда до Сахалина? — задал кто-то вопрос.

— Десять километров, — ответил Василий и, подумав, добавил: — В принципе, «вручную» переплыть можно...

Сфотографировавшись на краю земли, мы с чувством выполненного долга отправились восвояси.

За семь лет до...

Несколько часов подряд российская писательская делегация «сидела на чемоданах» во внуковском терминале «Космос» и, уныло разглядывая в огромные окна густую метель, переставала надеяться, что удастся вылететь. Из Одессы уже звонили, беспокоились: открытие Международного фестиваля «Золотое сечение» из-за нас откладывалось и откладывалось.

Однако вскоре объявили посадку на наш чартер, и через два с небольшим часа под крылом самолёта показалось Чёрное море, неровный полукруг залива и раскинувшаяся по берегу Одесса...

...Их было человек пять. Правда, не у кафе «Фанкони», а на набережной Аркадии, куда я забрёл, не зная, что можно было, оказывается, пойти в знаменитый оперный (организаторы фестиваля в суматохе, вызванной опозданием нашего авиарейса, забыли об этом объявить), но это были типичные пикейные жилеты, хоть и не в жилетах, а в обычных, советского ещё покроя, плащах и куртках,

причём один — в военной форме, увешанной орденами и медалями. Совсем седой худенький старичок крутил другому пуговицу и вещал:

— Ну шо ви мне говорите! Одесса должна быть вольным торговым городом! Ми — не Украина, ми — Одесса!

Я набрался наглости, подошёл, вежливо поздоровался и спросил:

— А шо ви мне скажете за НАТО? Ми таки с НАТО или с Россией?

— Молодой человек, ви таки журналист? — мгновенно ответил старичок.

— Откуда вы знаете? — от неожиданности съехал я на родной русский.

— Да мы час назад видели, как вы с фотоаппаратом шли в русской колонне на возложение цветов к памятнику матросу, — улыбнулся тот, что в форме. — Вы из Москвы, на фестиваль?

Пришлось сознаться.

— Одесса была основана французом по велению русской императрицы и заселена русскими, греками, евреями и армянами, — с интонацией школьных учителей принялись втолковывать мне пикейные старички. — Ну и как же мы можем быть против России и при этом не дружить со всем миром? — Одесса — не Украина?

— Ну, пусть Украина, Украина, но НАТО нам зачем? Там, где торговля, — военным не место. Тут всем хорошо должно быть. Россия без нас проживёт. А мы без России?

Помолчали...

Море совсем не по-курортному сурово билось о берег, лёгкими яркими облачками то тут, то там желтела ранняя акация, пахло йодом и свежей зеленью, по кособокой улице дребезжал трамвай. Одесса... До чёрного дыма над Домом профсоюзов оставалось ещё семь лет, о чём ни я, ни пикейные жилеты не знали и знать не могли...